

*Aleksander Kiklewicz*  
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

## ПРАВДА И ЯЗЫКОВАЯ НОМИНАЦИЯ

### **Введение**

Данная статья посвящена проблеме описания категории правды в современных семантических исследованиях. В лингвистике сложилась ситуация, в которой языковая номинация рассматривается без учета истинностного критерия, господствующего в логике и эпистемологии (поэтому он часто отвергается лингвистами как чуждый). Новые направления в языкознании последних десятилетий, особенно когнитивная лингвистика и эколлингвистика, способствуют тому, что место категории правды в системе языковой номинации пересматривается. В статье будет показано, что языковая номинация осуществляется с опорой на ментальную категоризацию денотатов, которая в более или менее явном виде фиксируется в форме и структуре языковых знаков (в последнее время в связи с этим часто используется понятие «языковлечения»). В зависимости от степени репрезентации в знаке содержания соответствующей когнитивной категории, а также соответствия этой категории свойствам называемого объекта (класса объектов) знаки могут получать веритативную (а в некоторой степени также аксиологическую) интерпретацию. Тем самым лингвистическая семантика занимает свое место в парадигме наук о правде.

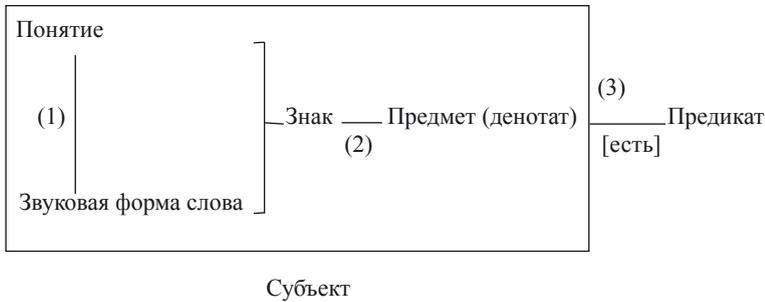
Перед рассмотрением конкретного языкового материала необходимо обратиться к истории данной лингвистической проблемы.

### **1. Значение и правда: от Аристотеля и Фердинанда де Соссюра до наших дней**

Уже на раннем этапе философии языка обозначилась дихотомия двух концепций значения: феноменологической (эмпирической) и эписте-

мологической (гностической). В античности они были представлены теориями фюсей и тесей, т.е. природного и условного происхождения имен. Историю разработки данной проблемы в языкознании подробно представил Эухенио Косериу<sup>1</sup>. Основываясь на философских взглядах Платона, сторонники фюсей считали, что лексические знаки имеют естественную, онтологическую мотивацию и в силу этого правдиво или неправдиво отражают предметы и явления действительности, а также, что важно, с этой точки зрения принципиально не отличаются от предложений. Напротив, представители другого лагеря, прежде всего Аристотель, утверждали, что знак (*κατά συνθήκην*) имеет конвенциональную природу — опирается на ассоциативную связь между звуком и понятием. Семантическая система языка, в понимании Аристотеля, включает три категории: 1) значение, 2) обозначение и 3) истинностное значение. Каждая категория определяется в рамках бивалентного отношения: 1) между звуковой формой слова и понятием, 2) между знаком и предметом (его денотатом/референтом), 3) между субъектом и предикатом. Ниже эти отношения представлена графически.

Схема 1: Семантика в представлении Аристотеля



Аристотель доказывал, что ни значение, ни референция слова не имеют отношения к истинностному критерию интерпретации знаков, который появляется только на уровне предложения как предикативной единицы: правдивым или неправдивым может быть формальное, т.е. выраженное лексическими средствами языка, установление связи между логическим субъектом (подлежащим) и логическим предикатом (сказуемым), сами же лексические средства этой характеристики лишены, ср.:

- (1) Правда, что Оноре де Бальзак родился в Туре в семье крестьянина из Лангедока.

<sup>1</sup> E. Coseriu: *Der Physei-Thesei-Streit. Sechs Beiträge zur Geschichte der Sprachphilosophie*. Ред. R. Meisterfeld. Tübingen: Narr Verlag 2004, с. 99 сл.

- (2) \*Правда, что Оноре де Бальзак.  
(3) \*Правда, что крестьянина.

Косериу убедительно показал, что в философии языка последующих эпох определенно обозначилось доминирование «линии Аристотеля»: начиная со средних веков, в теории семантики на первый план выдвинулась эпистемологическая, в своей сущности — функциональная концепция знака. В новейшей истории языкознания ее последовательным сторонником был Фердинанд де Соссюр, который в разделе *Природа языкового знака* своего знаменитого *Курса общей лингвистики* писал: «Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ»<sup>2</sup>. При этом де Соссюр подчеркивал: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате некоторого означающего с некоторым означаемым»<sup>3</sup>. Де Соссюр, который был убежден, что «всякий принятый в данном обществе способ выражения (семантической информации — А.К.) в основном покоится на коллективной привычке или, что то же, на соглашении», считал, что «совокупность систем, основанных на произвольности знака» является главным предметом семиологии.

Непроизвольный, конвенциональный, культурно (а не онтологически) мотивированный характер лексических знаков (что касается *signifiant* и *signifié*) означает невозможность их интерпретации с точки зрения правды/неправды. Лексические значения выражены произвольными фонетическими формами и образуют систему, в которой каждый семантический признак функционально зависит от другого. Семантика языка представляет тем самым замкнутую систему, в которой единицы наделяются соответствующими значимостями. Таким образом, категория правды оказалась вне границ лексической семантики и теории номинации<sup>4</sup>: потеряло смысл рассуждать о правде или неправде лексических единиц языка как соответствии или несоответствии закодированных в них значений предметам и явлениям действительности, поскольку действительности в методологии имманентной лингвистической семантики не было места. Эту точку зрения высказывает, например, польская исследовательница Барбара Станош: существование или несуществование денотатов языковых знаков в реальном мире с лингвистической точки зрения не имеет значения, все знаки

<sup>2</sup> Ф. де Соссюр: *Труды по языкознанию*. Пер. А.М. Сухотин, А.А. Холодович. Москва: Прогресс 1977, с. 99.

<sup>3</sup> Там же, с. 100.

<sup>4</sup> См.: J. Rokoszowa: *Obraz świata we współczesnych teoriach językoznawczych*. «Biuletyn PTJ» 1997, № LIII, с. 11.

— и правдивые, и неправдивые — в системе языка обладают одинаковым функциональным статусом<sup>5</sup>.

Продолжая «линию Аристотеля», современная лингвистическая семантика радикально дифференцирует слово и предложение как единицы разного порядка: на уровне предложения реализуется веритативная модальность, которая состоит в интерпретации его значения с точки зрения соответствия или несоответствия описываемому положению дел<sup>6</sup>, у слова же и словосочетания как номинативных единиц языка эта функция отсутствует. В связи с этим Игорь Вардуль предложил различать фактовые и номинативные выражения<sup>7</sup>, ср. его примеры:

- (4) The doctor arrived.
- (5) the doctor's arrival

Первое выражение обладает статусом предиктивной, фактовой единицы — оно может быть интерпретировано с помощью соответствующего веритативного оператора. Второе выражение имеет номинативный характер, и его веритативная интерпретация невозможна:

- (6) It is true that the doctor arrived.
- (7) \*It is true that the doctor's arrival.

Дихотомия «слово — предложение» (в свете веритативной интерпретации) представлена не только в традиционной лингвистике, но и в логической семантике: здесь основными компонентами высказывания являются предикаты и аргументы, причем последние могут выступать в виде переменных или констант:  $P(x, y)$ ;  $P(a, b)$ . Первая формула отражает открытую пропозицию, которая обладает только смыслом и лишена локализации в одном из возможных миров; другими словами, она отражает псевдовысказывания типа:

- (8) Нечто имеет некоторое отношение к чему-либо.

Вторая формула отражает закрытую пропозицию — она обладает не только смыслом, но и значением: существует хотя бы один возможный мир, по отношению к которому она может быть истинной или ложной.

<sup>5</sup> В связи с этим можно привести ставший уже хрестоматийным пример «нормального» языкового выражения из *Аспектов теории синтаксиса* (1966) Ноама Хомского: *Colorless green ideas sleep furiously* — *Бесцветные зеленые идеи яростно спят*.

<sup>6</sup> См.: А. Kiklewicz: *Podstawy składni funkcjonalnej*. Olsztyn: Wydawnictwo UWM 2004, с. 146 сл.

<sup>7</sup> И.Ф. Вардуль: *Основы описательной лингвистики*. Москва: Наука 1977, с. 227.

Поскольку переменная обладает значением, в область которого входит группа констант, например,  $x = \{a, b, c\}$ , то превращение открытой пропозиции в закрытую может быть достигнуто в результате замены переменной на соотносимые с ней константы или же посредством применения кванторов с целью количественного определения той области значения переменной, которая участвует в описываемой ситуации<sup>8</sup>. Кванторы применяются только к переменным (к общим терминам), ср.: \*каждый Петр I, \*каждый я. Замена переменной на константу при наличии квантора невозможна, поэтому переменные закрытых пропозиций называют связанными. Открытая пропозиция содержит свободные переменные. Если хотя бы одна переменная в формуле свободна, то считается, что формула лишена истинностного значения и не является высказыванием.

Некоторые исследователи связывает квантификацию с понятием экстенционала (экстенсии) предиката — множества индивидов, по отношению к которым предикат, по терминологии Тарского, выполняется. Если имеется формула  $P(x)$  и область значений переменной  $x$  составляют индивидные константы  $a, b, c$ , то экстенционал предиката  $P$  конгруэнтен подмножеству множества индивидных констант  $a, b, c$ , относительно которого высказывание с этим предикатом имеет истинностное значение, т.е. истинно или ложно. Виолета Косеска-Тошева и Георги Гаргов рассматривают квантификацию как свойство предиката, а именно — «наложение (или установление) ограничений на экстенсию предиката в различных ситуациях, в которых он участвует»<sup>9</sup>.

Независимо от версии логической семантики и трактовки категории квантификации очевидно, что, во-первых, категория правды применяется только к высказываниям (закрытым пропозициям) — веритативная интерпретация не свойственна предикатам и аргументам; во-вторых, истинностное значение высказывания обусловлено операциями, осуществляемыми с его лексическими конститuentами — аргументами (по одной версии) или предикатами (по другой версии).

Было бы, однако, упрощением утверждать, что истинностный критерий вообще не присутствует в описании лексической семантики. На это, в частности, указывает практика семантического описания глагольных предикатов, а именно — разграничение фактивных и нефактивных пре-

<sup>8</sup> А. Тарский: *Введение в логику и методологию дедуктивных наук*. Москва: Издательство иностранной литературы 1948, с. 39.

<sup>9</sup> В. Косеска-Тошева, Г. Гаргов: *Българско-полска съпоставителна граматика. 2. Семантичната категория определеност/неопределеност*. София: БАН 1990, с. 21; см. также: W. Döppke: *Kasus, Sachverhalte und Quantoren. Beitrag zur formalen Semantik*. Tübingen: Narr Verlag 1985, с. 45; Z. Hlavsa: *Denotace objektu a její prostředky v současné češtině*. Praha: Academia 1975, с. 72.

дикатов<sup>10</sup>. В первом случае в значении глагола (с функцией предиката высшего порядка) содержится презумпция (пресуппозиция) истинности, т.е. информация о том, что сообщение, передаваемое зависимым от глагола пропозициональным аргументом, правдиво. Такой характер имеют предикаты знания, например:

- (9) Иван знает, что Игорь едет в Москву.

Здесь предполагается правдивость придаточного предложения («Правда, что Игорь едет в Москву»), которая остается в силе и при отрицании глагольного предиката:

- (10) Иван не знает, что Игорь едет в Москву [предполагается: Правда, что Игорь едет в Москву].

Нефактивные предикаты (как, например, глаголы *вообразать* и *считать*) содержат неправдивые или немаркированные с точки зрения веритативной интерпретации пресуппозиции:

- (11) Иван воображает, что спасает страну.  
 (12) Иван считает, что кто-то должен ответить за это.

Важно, что различие фактивных и нефактивных предикатов связано с возможностью или невозможностью глагола присоединять к себе так называемый косвенный вопрос, ср.:

- (13) Иван знает, кто едет в Москву.  
 (14) Иван знает, едет ли Игорь в Москву.  
 (15) \*Иван воображает, кто спасает страну.  
 (16) \*Иван воображает, спасает ли кто-то страну.  
 (17) \*Иван считает, кто должен ответить за это.  
 (18) \*Иван считает, должен ли кто-то ответить за это.

Следует, однако, заметить, что пример фактивных и нефактивных предикатов не служит убедительным доказательством того, что категория правды распространяется также на сферу лексической номинации: веритативная интерпретация в этом случае касается не непосредственно

<sup>10</sup> И.Б. Шатуновский: *Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика*. В кн.: *Логический анализ языка. Знание и мнение*. Ред. Н.Д. Арутюнова. Москва: Наука 1998, с. 18 сл.; М. Danielewiczowa: *Wiedza i niewiedza. Studium polskich czasowników epistemicznych*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW, с. 32 сл.; А. Bogusławski: *Myśli o gwiazdce i o regule*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW 2009, с. 21.

лексического значения глагола, а его пропозиционального аргумента, который реализуется в развернутой, изосемичной форме придаточного предложения. Как видим, правда не может преодолеть силу притяжения синтаксической предикативности.

Остается, однако, еще одна сфера лексической семантики, в которой категория правды применяется, по крайней мере, как объяснительный признак — метафора. В теории коммуникативной кооперации Герберта П. Грайса рассматриваются разные виды отступлений от постулатов качества: «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований»<sup>11</sup>. Одним из видов таких коммуникативных импликаций считается метафора. Высказывания типа

(19) Мышкин полез в портфель за газетой (Вера Белоусова)

внешне нарушают принцип кооперации: формально говорящий передает неправдивое сообщение, ведь Мышкин — дословно — не полез в портфель за газетой, а только сунул руку в портфель, чтобы достать газету<sup>12</sup>. Однако с коммуникативной точки зрения говорящий здесь подчиняется принципу кооперации — нарушая же один из его постулатов, дает слушающему сигнал, что какие-то лексические единицы в сообщении (в рассматриваемом случае это — глагол *полез*) употреблены неконвенционально.

Тот факт, что, как пишет Дональд Дэвидсон, «в метафоре определенные слова принимают новое или, как его иногда называют, расширенное значение»<sup>13</sup>, означает, что интерпретация этих слов с учетом их базовой, конвенциональной семантики не соответствовала бы намерению говорящего, другими словами — смыслу, закодированному в сообщении. Дэвидсон подчеркивает, что явление метафоры может быть описано с помощью истинностного критерия:

Предложения, в которых содержатся метафоры, истинны или ложны самым обычным, буквальным образом. [...] Наиболее очевидное семантическое различие между метафорой и сравнением заключается в том, что все сравнения истинны, а большинство метафор ложно. Земля на самом деле похожа на диск или шар, ассирийцы действительно спустились вниз, как волки в расщелину, потому что все подобно всему. Не делайте эти предложения метафорами, и вы

<sup>11</sup> Г.П. Грайс: *Логика и речевое общение*. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике. XVI. Лингвистическая прагматика*. Ред. Е.В. Падучева. Москва: Прогресс 1985, с. 222 сл.

<sup>12</sup> Это значение глагола *полезть* отсутствует в *Словаре русского языка* под редакцией А.П. Евгеньевой.

<sup>13</sup> Д. Дэвидсон: *Что означают метафоры*. В кн.: *Теория метафоры*. Ред. Н.Д. Арутюнова, М.А. Журиной. Москва: Прогресс 1990, с. 176.

сразу получите ложь: земля похожа на диск или шар, но это не диск и не шар; писатель Толстой был похож на ребенка, но он не был ребенком<sup>14</sup>.

Джон Серль, хотя не высказывается прямо в пользу веритативной интерпретации метафорических выражений, однако при объяснении метафоры использует истинностный критерий. Согласно Серлю, каждое предложение предполагает набор условий истинности, при этом в случае метафорических выражений, «когда говорящий произносит предложение вида  $S$  есть  $P$ , имея в виду метафорически, что  $S$  есть  $R$ »<sup>15</sup>,

слушающему требуется нечто большее, чем знание языка, осведомленность об условиях произнесения высказывания и владение общими с говорящим фоновыми представлениями. Он должен располагать каким-то дополнительными принципами, или дополнительной фактической информацией, или какой-то комбинацией того и другого, которая позволила бы ему распознать, что, когда говоря  $S$  есть  $P$ , говорящий имеет в виду  $S$  есть  $R$ <sup>16</sup>.

Как видим, и здесь метафора в определенном смысле равнозначна неправде: значение сообщения, по Серлю, не равняется значению говорящего, т.е. ложно с учетом того, что имеет в виду говорящий. Обратим, однако, внимание, что и Дэвидсон, и Серль, скорее, не имеют в виду ложность метафорического слова, а ложность всего предложения, в котором слово передает только какой-то элемент смысла. Действительно, ведь в случае предложения (19) ложь содержит не сама глагольная форма *полез*, а тот факт, что этим словом (с учетом его буквального значения) называется действие Мышкина:

(20) Неправда, что то, что сделал Мышкин, есть *полез*.

Как видим, и здесь категория правды/неправды реализуется в рамках предикативного отношения  $S$  есть  $P$ .

## 2. Значение и правда в свете теории категоризации

В модели Аристотеля и базирующейся на ней теории лингвистической семантики имеется определенное упущение, а именно — отсутствует указание на прямое отношение между значением и предметом. Хотя

<sup>14</sup> Там же, с. 185. Подобную мысль высказывает А. Богуславский: А. Boguslawski: *Myśli...*, с. 30.

<sup>15</sup> Так понимаемая метафора представляет собой частный случай более общей категории малапропизмов, о чем пишет А. Богуславский, см.: А. Boguslawski: *Myśli...*, с. 49.

<sup>16</sup> Дж. Серль: *Метафора*. В кн.: *Теория метафоры...*, с. 314.

в известном семантическом треугольнике Чарльза Огдена и Айвора Ричардса<sup>17</sup> (см. рисунок ниже) значение слова отражает, символизирует предмет, однако это отношение всегда оставалось на периферии лингвистической семантики, о чем пишет, например, Генрик Карделя<sup>18</sup>: лингвисты как бы сознательно «умывали руки», оставляя эту проблему для решения логикам, психологам, философам.

Схема 2: Семантический треугольник



В связи с этим Джон Лайонз писал:

Что касается взаимоотношения между «понятиями» и «вещами», то оно служило, конечно, предметом значительных философских разногласий. [...] Здесь [т.е. в аспекте лингвистической семантики — А.К.] мы можем игнорировать эти философские различия<sup>19</sup>.

С лингвистической точки зрения, как указывает Игорь Архипов, «подразумевается, что выбор той или иной формы слова обеспечивает ассоциацию с определенным смыслом и, наоборот, для выражения данного смысла используется данная форма слова»<sup>20</sup> — проблема же ментальной репрезентации предмета в языковом сознании остается на втором плане.

<sup>17</sup> C.R. Ogden, I.A. Richards: *The Meaning of Meaning. A Study of The Influence of Language upon Thought and of The Science of Symbolism*. London: Routledge&Kegan Paul 1969, с. 11.

<sup>18</sup> H. Kardela: *Ogdena i Richardsa trójkąt uzupełniony, czyli co bada gramatyka kognitywna*. В кн.: *Językowy obraz świata*. Ред. J. Bartmiński. Lublin: UMCS 1999, s. 23.

<sup>19</sup> Дж. Лайонз: *Введение в теоретическую лингвистику*. Пер. Н.Н. Перцова, Т.В. Булыгина, Б.Ю. Городецкий. Москва: Прогресс 1978, с. 428.

<sup>20</sup> И.К. Архипов: *О «переносе информации» в прямом и метонимическом смысле*. «Przegląd Wschodnioeuropejski» 2011, № 2, с. 456.

Лингвистическая семантика (в частности, ономазиология) имеет дело как бы с «готовым» значением, которое получает соответствующее языковое выражение. Но ведь значение (т.е. лексическое понятие) создается в процессе познавательной деятельности человека, представляя собой форму реакции организмов, а именно — человеческого сознания, на информацию, поступающую из внешнего мира. В языке, прежде всего в процессе номинации, отражается «первая попытка»<sup>21</sup> ментальной категоризации предметов; пусть потом, в процессе «второй, третьей и т.д. попытки» когнитивная репрезентация опытных данных претерпит изменения, но важно, что в языковой форме знака закодирован определенный способ отражения конкретного фрагмента действительности. Поэтому сущность значения нельзя свести к отношению фонетической формы и лексического понятия — оно предполагает отношение трех элементов: формы, понятия и денотата<sup>22</sup>.

Поскольку определение языкового знака включает информацию о ментальной репрезентации денотата, которая кодируется в форме и структуре знака, естественно, возникает вопрос о том, насколько эта репрезентация соответствует объективным свойствам денотата, его актуальному восприятию носителями языка. Де Соссюр писал: «Означающее не мотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи»<sup>23</sup>, однако замечу, что и отношение между понятием и денотатом носит произвольный характер: субъект познавательной деятельности имеет определенную свободу категоризации предметов окружающего мира, поэтому подобно тому, как с точки зрения отношения между означающим и означаемым знаки можно дифференцировать на композитивные, т.е. отражающие структуру означаемого, и синкретичные, условные, «глобальные»<sup>24</sup>, т.е. не отражающие структуру означаемого (ср. производные и непроизводные слова), знаки могут быть дифференцированы также с точки зрения степени адекватности ментальной репрезентации денотатов. Например, когда в конце 80-х прошлого столетия в Советском Союзе были введены талоны на продукты питания и некоторые товары народного потребления, власти пользовались приемом языковой манипуляции: в некоторых регионах

<sup>21</sup> Я пользуюсь здесь метафорой А. Богуславского, см.: А. Boguslawski: *Myśli...*, с. 49.

<sup>22</sup> В.Г. Гак: *К диалектике семантических отношений в языке*. В кн.: *Принципы и методы семантических исследований*. Ред. В.Н. Ярцева. Москва: Наука 1976, с. 83.

<sup>23</sup> Ф. де Соссюр: *Труды...*, с. 101.

<sup>24</sup> См.: Е.С. Кубрякова: *Типы языковых значений. Семантика производного слова*. Москва: Наука 1986, с. 42 сл.

талоны имели форму официального *приглашения* — ср. в качестве иллюстрации *Приглашение на покупку зубной пасты*.



Рис. 1: Неадекватная номинация

Здесь совершенно очевидно расхождение между объективным статусом денотата и его интенциональным представлением, отраженным в форме слова. Можно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с особым рода неправдой, реализуемой на уровне лексической единицы.

Языковая деятельность человека осуществляется в определенной среде — природной, технологической, идеологической и т.д., поэтому особое значение имеет необходимость конструирования языковых знаков в соответствии с релевантными формами отражения действительности (с учетом окружающей среды). От степени точности, адекватности закодированной в форме знака категоризации предметов зависит успешность, оптимальность социального поведения человека посредством языка. На эту сторону языковой деятельности особенно обращает внимание активно развивающаяся в последнее время *эколингвистика*, которая, в частности, ставит своей задачей реформирование языка с точки зрения содержания системы номинации, которая (на определенном синхронном срезе) должна соответствовать культивируемой данным языковым сообществом системе ценностей и картине мира<sup>25</sup>.

<sup>25</sup> См.: В. Kettemann, H. Penz: *Revisiting Alwin Fill and the Ecolinguistic Project*. В кн.: *ECOConstructing Language, Nature and Society: The Ecolinguistic Project Revisited*. Ред. В. Kettemann, H. Penz. Tübingen: Narr Verlag 2000, с. 11; М. Steciąg: *Ekologia językoznawcza, czyli krytyczny nurt w ekolingwistyce*. «Biuletyn PTJ» 2011, № LXVII, с. 197 сл.

### 3. Пропозициональная и номинальная правда

В эпистемологии различаются понятия пропозициональной и номинальной правды<sup>26</sup>: в первом случае речь идет о реализации категории правды на уровне предикативных единиц, т.е. предложений, во втором случае — на уровне лексических единиц и словосочетаний. Как видим, эпистемологическая интерпретация правды несколько отличается от лингвистической, хотя Ян Воленский признает, что концепция номинальной правды, сущность которой сводится к тому, что понятие в большей или меньшей степени соответствует предмету мысли, встречается в философии относительно редко — например, культивируется некоторыми сторонниками гегельянства<sup>27</sup>.

Такое положение можно объяснить тем, что концепция номинальной правды противоречит теории суппозиции. Как известно, в формальной логике каждое имя обладает суппозицией (или суппозитивной функцией): существует то, что названо<sup>28</sup>. Поскольку имя обладает суппозицией, с момента своего появления оно с необходимостью обладает значением правды — она как бы «встроена» в его содержание, в его статус. Другими словами, имя не возникло бы как имя чего-то — существование этого «чего-то» и обуславливает перманентный веритативный статус имен. Например, в случае предложения:

(21) Русские не сдаются

можно дискутировать по поводу уместности подобной предикации, т.е. содержания предложения, однако правдивость номинации *русские* при любой интерпретации предложения не вызывает сомнений.

С концепцией номинальной правды не согласуются также факты языковой практики, а именно — условия употребления веритативных операторов *правда*, *неправда* и т.п. Данные операторы функционируют в речи как предикаты высшего порядка, которые обязательно подчиняют пропозициональный аргумент:

(22) Правда / неправда, что русские не сдаются.

Именно поэтому исключено применение веритативного оператора к отдельным именным группам:

(23) \*Правда/неправда, что русские.

<sup>26</sup> J. Woleński: *Epistemologia. Poznanie, prawda, wiedza, realizm*. Warszawa: PWN 2007, с. 143 сл.

<sup>27</sup> Там же, с. 144.

<sup>28</sup> Z. Ziemiński: *Logika praktyczna*. Warszawa: PWN 1987, с. 27.

Проблема могла бы считаться решенной, если бы понятие действительности ограничивалось только рамками материального мира, данного нам в ощущениях, и если бы ощущения не зависели от конкретных ситуаций нашего опыта. В действительности же мы имеем дело с *возможными мирами*, поэтому суппозитивная функция имени реализуется по отношению к одному из возможных миров, например, таких, как материальный мир или вымысел. Существование возможных миров обуславливает феномен пустых (или контрфактивных) имен, другими словами — семантических фантомов типа:

- (24) бездетный отец
- (25) зеленая синева
- (26) третья жена Пушкина
- (27) концерт для виолончели Бетховена
- (28) круглый квадрат и др.

Лексические единицы этого типа содержат в себе семантический парадокс: с одной стороны, денотат этих имен существует в силу их суппозитивной функции (они что-то называют); с другой стороны, их денотат не существует — в силу их значения. Контрфактивные имена правдивы и ложны одновременно. Парадокс этот можно разрешить ссылкой на возможные миры: имя является пустым только по отношению к определенному возможному миру (в рассматриваемых выше случаях это — материальная действительность), при этом обязательно существует такой возможный мир, в котором имя имеет репрезентативный статус. Так, приведенные выше выражения вполне могут быть «оправданы» с учетом особых перцептивных состояний субъектов, их воображения, представления, ментального конструирования. Этим объясняется специфика естественных языков, в которых отношение между правдой и неправдой имеет размытый характер<sup>29</sup>.

Следует признать существование *языковых ош и бок*, состоящих в том, что неудачный, обычно парадоксальный по содержанию номинат нельзя соотносить с каким-либо возможным миром — такой характер носят некоторые «перлы» спортивных комментаторов, например:

- (29) индивидуальная акция всей команды.

В большинстве же случаев лексические фантомы появляются в результате намеренной, креативной деятельности языкового субъекта

<sup>29</sup> Н. Putnam: *Reason, truth and history*. Cambridge: University Press 1981, с. 30.

— своеобразной экстериоризации мира переживаний, впечатлений, представлений и т.д. Например, выражение:

(30) живой труп

внешне контрфактивно, однако как название пьесы Льва Толстого оно указывает на человека в состоянии сильной психической депрессии, потерявшего интерес к жизни<sup>30</sup>. В дискурсах современной массовой культуры *живой труп* представляется в виде зомби — оживленного фантастическим образом трупа. Кроме того *живой труп* представлен в разных формах шизофренического воображения<sup>31</sup>.

Требование истинности экзистенциальных пресуппозиций применительно к естественным языкам не может пониматься в онтологическом смысле, иначе языковая передача сообщений о так называемых конструктах (например, написание повести *science fiction* или лирического стихотворения)<sup>32</sup> была бы невозможной. Поэтому по отношению к естественному языку наиболее применима консенсуальная концепция правды<sup>33</sup>. Как пишет Юзеф Дембовский, сторонник «радикального когниционизма», понятие правды функционирует за границами познавательной сферы. Этим объясняется диверсификация «правды» — существование «правды литературы», «исторической правды», «комсомольской правды», «своей vs. чужой правда», «правды, освещающей путь vs. правды, согревающей сердце» и т.д.

#### 4. Контрфактивные лексические единицы

В следующих секциях будет рассмотрено явление ложной номинации, т.е. неадекватной репрезентации предметов, действий, состояний, процессов и свойств в семантическом содержании знаков,

<sup>30</sup> Первоисточником данного выражения является Новый Завет. В русском языке оно впервые — в его общеизвестной форме — встречается у А.С. Пушкина в поэме *Полтава*.

<sup>31</sup> См.: Р.Б. Дилтс: *Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП*. Санкт-Петербург: Питер 2001, с. 115.

<sup>32</sup> Ср. выразительный пример — название сборника стихотворений белорусского поэта Виктора Шнипа *Беларускае мора (Белорусское море)*.

<sup>33</sup> См.: J. Dębowski: *Prawda i warunki jej możliwości*. Olsztyn: Instytut Filozofii UWM w Olsztynie 2010, с. 77. Существует давний спор между сторонниками абсолютной и относительной концепции правды, см.: R. Ziemińska: *Spór relatywizmu z absolutyzmem na temat pojęcia prawdy*. «Roczniki Filozoficzne» 2009, № LVII/1; A.R. Bańka: *Klasyczna definicja prawdy w epistemologicznych poglądach Desire Merciera*. «Roczniki Filozoficzne» 2009, № LVII/2.

отраженном в их структуре. При этом я буду различать два типа ложной номинации. Во-первых, существуют лексические фантомы — контрфактивные лексические единицы, нерепрезентативные экстенционально, т.е. имена несуществующих с объективной или конвенциональной точки зрения денотатов. Во-вторых, имеется также большой массив лексических фальсификатов, которые, называя реально существующие объекты, указывают на несвойственные им признаки, тем самым искажают когнитивную репрезентацию денотатов.

В первой группе выделяются аналитически ложные номинаты, контрфактивность которых обусловлена объединением в одной конструкции семантически несогласующихся, контрастирующих слов. В сущности, речь идет о семантическом противоречии или парадоксе. Примеры этого явления частично приводились уже в предыдущей секции, их можно, разумеется, продолжить:

- (31) железное дерево
- (32) горячий снег
- (33) без вины виноватый
- (34) начало конца.

Кроме того существуют эмпирически ложные номинаты: они не содержат семантического противоречия, но нерепрезентативны в силу того, что называют вымышленные явления и предметы, хотя часто используют категории явлений и предметов, существующих в действительности, например:

- (35) золотая гора
- (36) трехметровый человек
- (37) демократические выборы в России.

Может казаться, что с практической точки зрения лексические фантомы нецелесообразны и сфера их функционирования ограничивается логическими (эвристическими) экспериментами, философскими и художественными текстами. Это предположение неверно, так как явление контрфактивности оказывается востребованным во всех сферах речевой деятельности. Например, оно регулярно встречается в разговорной речи — в составе многих фразеологизмов<sup>34</sup>; здесь семантическое противоречие представляет фактор метафорического преобразования слов, о чем свидетельствуют примеры русского, польского и немецкого языков:

---

<sup>34</sup> См.: D. Dobrovolskij: *Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Studien zum Thesaurus deutscher Idiome*. Tübingen: Narr Verlag 1995.

- (38) десять/сорок бочек арестантов ‘неправда’  
 (39) *wieszać na kimś psy* ‘оскорблять, оговаривать кого-л.’; буквально: ‘вешать на ком-л. собак’  
 (40) *aus der Haut fahren* ‘нервничать, чувствовать себя раздраженным’; буквально: ‘ехать/выезжать из кожи’.

На явлении контрфактивности основан также о к с ю м о р о н — «парадоксально звучащая антитеза, обычно в виде антонимичных существительного с прилагательным или глагола с наречием»<sup>35</sup>:

- (41) убогая роскошь наряда (Николай Некрасов)  
 (42) черная белизна украинских судей («Еженедельник»; 1 XII 2006)  
 (43) медленно спешить (интернет-форум; <<http://otvet.mail.ru/question/42978248>>)  
 (44) веселая грусть (интернет-форум; <<http://otvet.mail.ru/question/42978248>>)  
 (45) смех сквозь слезы.

Очередное явление, в котором находит отражение контрфактивное употребление лексических номинатов, — это г и п е р б о л а, которая представляет собой нарушение одного из постулатов категории качества в теории Грайса (см. секцию 1): «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». При этом надо заметить, что гипербола нередко лежит в основе фразеологических сочетаний:

- (46) миллион поцелуев  
 (47) глаза на лоб полезли  
 (48) подпрыгнуть до небес.

Гиперболическая контрфактивность часто употребляется как средство идеологической пропаганды, причем не только в дискурсе власти, но и в дискурсе оппозиции. Например, прошедшая в России в мае 2012 года акция политической оппозиции была названа помпезно:

- (49) «Марш миллионов».

Действительно, это было одно из самых массовых шествий оппозиции за последний десять лет, однако даже по подсчетам главного организатора этого мероприятия, Сергея Удальцова, в митинге приняло участие около 120 тысяч человек, по данным же ГУВД — не более 15 тысяч.

Видимая семантическая контрфактивность возникает не только в результате диверсификации понятия действительности (а именно — соотношения знака с одним из возможных, интенциональных миров), а также

<sup>35</sup> В.М. Кожевников, П.А. Николаева: *Литературный энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия 1987, с. 258.

не только как фактор метафорического употребления лексических знаков — в основе семантической контрфактивности может лежать также синтаксическая компрессия. Рассмотрим с этой точки зрения словосочетание:

(50) сухое молоко.

Поскольку *молоко* определяется в толковых словарях как ‘белая жидкость, выделяемая грудными железами женщин и самок млекопитающих после родов для вскармливания младенца’, то совершенно понятно, что сочетание с прилагательным *сухой* приводит к семантическому противоречию. Это противоречие, однако, является следствием преобразования базовой, более развернутой синтаксической структуры:

(51) сухое молоко < растворимый порошок, получаемый высушиванием нормализованного пастеризованного коровьего молока.

Поскольку лексические фантомы связаны с возможными мирами, их роль особенно заметна в межкультурной коммуникации, когда системы ментальной репрезентации коммуникативных партнеров существенно различаются. В этом отдает себе отчет, например, неспециалист, имеющий дело с научными и техническими терминами, которые при «первой попытке» их интерпретации (вспомним здесь определение Богуславского, см. первую секцию) кажутся парадоксальными:

- (52) нулевая вода
- (53) жидкий кислород
- (54) пустое множество
- (55) квадратура круга
- (56) множество всех множеств
- (57) хронотоп
- (58) нулевая флексия.

Возможные миры могут генерироваться также историческим фактором, что обуславливает существование в лексической системе языка так называемых историзмов, в частности, советизмов — названий ушедших из обихода предметов и явлений, характерных для эпохи СССР, ср. некоторые примеры:

- (59) социалистическое соревнование
- (60) нормы ГТО

- (61) комсомол  
(62) октябрю.

Не менее широка область функционирования лексических фантомов в сфере этнических межкультурных отношений. Здесь часто наблюдается явление *экзотизмов*, т.е. таких названий, которые отсутствуют в языке коммуникативного партнера — они определяются также как лексические лакуны. Например, словосочетание:

- (63) выпить молока

в русском языке выглядит совершенно обычным, хотя, переведенное на вьетнамский язык, содержит в себе семантический парадокс: вьетнамцы не пьют молоко, употребляя его только в виде порошка или добавляя в кофе<sup>36</sup>. Поэтому переводя с русского языка на вьетнамский предложение:

- (64) Утром она выпила стакан молока и пошла на работу

переводчик должен учитывать, что с вьетнамской точки зрения оно звучит весьма экзотично (как, например, по-русски звучало бы сочетание *выпить стакан уксуса*). Желая избежать нежелательной реинтерпретации предложения, *молоко* в переводе можно заменить *чаем* или другим, более типичным для вьетнамской культуры напитком.

Наконец, возможные миры реализуются также в разного рода функциональных стилях, которые состоят не только в употреблении определенных языковых средств и реализации определенных коммуникативных действий, но также характеризуются определенным типом онтологической отнесенности. Пожалуй, особенно заметна здесь нетривиальность языковой номинации в сфере художественных дискурсов и, прежде всего, лирической поэзии. Польское и русское выражения:

- (65) piąta pora roku  
(66) пятая пора года

формально представляют собой примеры эмпирической контрафактивности, хотя функционально они «оправданы» так называемыми текстами культуры (прецедентными текстами — в терминологии Юрия Караулова): русское выражение ассоциируется со стихотворением Анны Ахматовой, а польское — с фильмом Ежи Домарадского.

<sup>36</sup> См.: М.Р. Koczerhan: *Podstawy językoznawstwa konfrontatywnego*. Кępa: Nowik 2009, с. 23.

## 5. Лексические фальсификаты

Лексические фальсификаты выделяются в области производных номинатов, морфемная или лексическая структура которых хотя бы частично отражает категоризацию денотата в сознании. Обычно это явление описывается с помощью понятия *внутренней формы*: в структуре языкового знака представлена его понятийная мотивация, т.е. сжатый ответ на вопрос, почему данный предмет называется данным словом. Как уже отмечалось в первом разделе, внутренняя форма обычно представляет результат «первой попытки» категоризации предмета. Эта «первая попытка» может быть более или менее удачной, т.е. представлять предмет более или менее адекватным образом. В связи с этим лексические номинаты можно разделить на две группы: репрезентативные и нерепрезентативные, хотя граница между ними не имеет строгого характера. Для примера сравним слова *понедельник* и *полночь*. Первое существительное своей внутренней формой (*понедельник* происходит от общеслав. \**nedělja* ‘воскресенье’) указывает на день недели, следующий после воскресенья; таким образом, закодированная в структуре знака понятийная интерпретация денотата согласуется с его релевантной, актуальной эпистемической репрезентацией в современной культуре (т.е. с тем, что мы знаем о понедельнике)<sup>37</sup>.

Второе существительное с этой точки зрения оказывается более проблематичным: формально *полночь* означает «половину», т.е. середину ночи, но с лексическим значением эта внутренняя форма согласуется только частично: в *Словаре русского языка* под редакцией Анастасии Евгеньевой *полночь* объясняется как ‘середина ночи, время, соответствующее двенадцати часам ночи’. С культурно-когнитивной точки зрения семантическая фальсификация оказывается еще более заметной, ведь время, соответствующее двенадцати часам ночи, не делит, строго говоря, ночь на две равные части. Современные европейцы в темное время суток ложатся спать около десяти-одиннадцати часов вечера, а просыпаются — около шести-семи; таким образом, середина ночи скорее соответствует двум-трем часам. Картина существенно не изменится, если понятие темного времени суток мы будем определять астрономически. По астрономическим данным, 12 сентября 2013, когда я пишу этот текст, заход солнца начинается в 19:01, а восход — в 06:11. Простой арифметический подсчет показывает, что середина ночи приходится на момент времени 00:35 — так или иначе это не равняется

<sup>37</sup> Обратим внимание на то, что поскольку существительное *неделя* в современном русском языке имеет другое значение, внутренняя форма слова *понедельник* для современных носителей языка не является абсолютно прозрачной.

двенадцати часам ночи. Понятийная и лексическая категоризация денотата, как видим, заметно различаются.

Другим примером интенциональной неадекватности лексической единицы может послужить существительное *выключатель*. Если мы обратимся к толковому словарю, то станет очевидным, насколько сильно здесь расхождение между внутренней формой и лексическим значением: словарь определяет данное слово как ‘прибор для включения и выключения электрического тока’, тогда как внутренняя форма слова указывает только на одну функцию<sup>38</sup>. В данном случае мы имеем дело с *исключенной альтернативой* — явлением, когда в языковой номинации учитывается только один аспект называемого предмета, другие же его аспекты, в том числе и противоположные по содержанию, игнорируются. Можно сослаться на ставший хрестоматийным пример существительного *чернила*, которое происходит от прилагательного *черный* и своей внутренней формой указывает на черный цвет, хотя чернила могут быть *красные, зеленые, синие* и т.д.

Исключенная альтернатива реализуется и в случае слова *отвертка*. В словаре его значение определяется как ‘инструмент для ввинчивания и вывинчивания винтов, шурупов’; как и на примере *выключателя*, мы видим, что понятийная категоризация имеет бивалентный характер, т.е. указывает на две противоположные функции предмета. Удивительно то, что в практике, как подсказывает мой опыт, отвертка чаще употребляется как инструмент для *ввинчивания*, поэтому странно, что она называется *отверткой* (а не, например, *заверткой*, хотя последнее название не годится — оно зарезервировано для выражения другого значения: ‘изделие, служащее для запираания дверей и окон с одной стороны при помощи вращения ручки’).

С подобным фактом мы сталкиваемся и в случае слова *насос*. Лексическая категоризация указывает на действие в определенном направлении: *насосать* означает ‘наполнить емкость жидкостью или газом’. Однако же значение слова (понятийная категоризация) имеет более широкое содержание: ‘машина, устройство для накачивания или выкачивания жидкостей’. В случае таких названий, как *водный насос*, функция выкачивания оказывается даже важнее.

Интенционально нерепрезентативный характер имеют также многие номинаты в форме словосочетания. Одним из первых на это явление (не употребляя, естественно, лингвистической терминологии) обратил внимание Гилберт Кит Честертон. В эссе *Бернард Шоу* он писал о неточности, аппроксимативности некоторых названий цвета:

<sup>38</sup> В польском языке в этом случае имеется больший выбор форм номинации, а именно — существительные *wyłącznik, włącznik, łącznik*.

Про Бернарда Шоу и даже про тех, кто много глупее его, обычно говорят: «Они хотят доказать, что белое — это черное». Лучше бы сперва подумать о том, точно ли мы обозначаем цвета. Не знаю, зовется ли белым черное, но желтое и розовато-бежевое белым зовется. Белое вино — светло-желтое, а европейца, чье лицо неопределенного, бежеватого, иногда розоватого цвета, мы именуем «белым человеком», что звучит жутко, как описание призрака у Эдгара По. Если кто-то попросит официанта принести желтого вина, тот усомнится в его разуме. Если чиновник сообщит из Бирмы, что там живет «две тысячи бежеватых людей», его сочтут глупым шутником и выгонят со службы. Однако оба пострадают за правду. Бернард Шоу — именно этот правдолюбец из ресторана, именно этот правдолюбец из Бирмы. Все думают, что он сумасброд и чудак, потому что он не называет желтого белым. И блеском своим и твердостью он обязан очевидной, но забытой истине, гласящей, что правда удивительней выдумки. Иначе и быть не может; ведь выдумка должна угодить нам (разрядка моя — А.К.)<sup>39</sup>.

Другой пример: в русской речи казахов мне привелось несколько раз слышать странное выражение:

(67) машина в масле.

Таким образом в разговорной речи называется новый автомобиль, купленный в салоне. То, что *машина* — понятно, но почему она в *масле*? По-видимому, прототипом этой номинации послужил вид механизмов (в том числе и средств передвижения), некоторые детали которых имеют на себе так называемую *заводскую смазку*. Смазка эта, которая служит для консервации деталей устройства при длительном его хранении<sup>40</sup>, видимо, и вызывает у носителей языка ассоциацию с (машинным) маслом. Таким образом, странное выражение представляет собой результат синтаксической компрессии и имеет, предположительно, следующую деривационную историю:

(68) машина в масле < новая машина, металлические детали которой покрыты слоем заводской смазки, своим видом, консистенцией напоминающей машинное масло.

Как видим, процесс синтаксической деривации приводит к резкому сокращению формы и структуры языкового выражения, чем может объясняться его особый семантический статус — «непрозрачность» понятийной категоризации денотата.

<sup>39</sup> Г.К. Честертон: *Писатель в газете*. Пер. Н. Трауберг. Москва: Прогресс 1984, с. 68.

<sup>40</sup> Специалисты объясняют эту ситуацию тем, что новый автомобиль собирается по частям (иногда детали могут быть от разных заводов-производителей), которые консервируются с помощью смазки. Собранный автомобиль подлежит расконсервации, но ассоциация с маслом (как видом жидкого смазочного материала) остается.

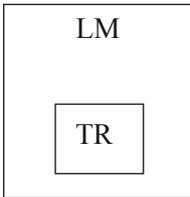
Кстати, рассматриваемый пример интересен и в другом смысле — с точки зрения синтаксической нерепрезентативности. Выражение (67) образовано по модели выражения:

(69) машина в гараже,

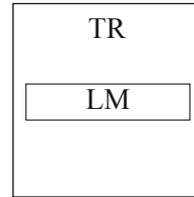
в котором предлог в имеет пространственное значение: ‘место, внутри которого находится предмет’. Совершенно понятно, что конструкция (67) не согласуется с этим значением: в действительности имеется в виду не машина в масле (т.е. внутри масла), а масло (т.е. заводская смазка) на машине (на поверхности деталей машины), с определенной точки зрения — масло в машине, например, под капотом, где находятся детали двигателя. Это различие можно показать графически, используя понятия траектора и ландмарка из когнитивной грамматики Рональда Лангакера<sup>41</sup>.

Схема 3: Машина в гараже vs. машина в масле: когнитивные модели

машина в гараже



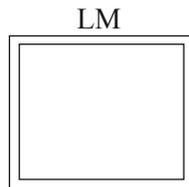
машина в масле



Лексическая категоризация, отраженная в структуре выражения (67), как можно предполагать, опирается на представление языкового субъекта, что масло (заводская смазка) как бы обволакивает весь корпус машины.

Схема 4: Машина в масле: когнитивная модель

машина в масле



<sup>41</sup> Напомню, что траектор — это компонент высказывания, называющий элемент описываемой ситуации (обычно подлежащее), который считается основным, ответственным за протекание ситуации (на него направлен фокус внимания субъекта), а ландмарк (обычно дополнение) — фоновым, дополнительным.

Тогда языковая номинация оказывается в какой-то степени оправданной, хотя это не изменяет факта специфической ментальной установки языкового субъекта, что с конвенциональной точки зрения (т.е. когда вышеуказанная установка отсутствует) вызывает эффект малапропизма. Такого же типа явление (впрочем, еще более странное) мы наблюдаем на примере высказываний:

- (70) В Украине начали конфисковывать авто на иностранных номерах.
- (71) Таможенники и ГАИ ловят авто на литовских и польских номерах.
- (72) Друзья, кто может подсказать относительно покупки авто на польских номерах?
- (73) Все чаще встречаю объявления о продаже машин на иностранных номерах.

Выражение *машина на номерах* (обычно с прилагательным при зависимом существительном) довольно трудно обосновать с когнитивной точки зрения: если масло в воображении человека хотя бы обволакивает автомобиль, то такую картину трудно представить себе с номерным знаком, который занимает фиксированное положение на передней и задней стороне машины. С объективной точки зрения картина выглядит как раз противоположным образом: не *машина — на номерах*, а *номера — на машине*. Как видим, у языкового сознания свои причуды, которые не всегда можно объяснить соображениями здравого смысла.

## Заключение

В теории и философии языка справедливо считается, что языковые знаки (именно единицы языковой системы безотносительно к ситуациям их употребления) амбивалентны по отношению к значениям веритативной модальности. Ни слова естественного языка, ни морфемы, ни структурные схемы словосочетаний и предложений не выражают правды или неправды. Это, однако, не означает, что категория правды не имеет отношения к системе языка. Поскольку подавляющая часть лексикона производна<sup>42</sup>, а кроме того, к ней примыкает огромный массив номинатов в форме словосочетаний (так называемых языковых клише и фразеологизмов<sup>43</sup>), в форме и структуре лексических знаков

<sup>42</sup> См.: A. Kikiewicz: *Znaczenie w języku i tekście (w poszukiwaniu inwariantów semantycznych)*. В кн.: *Lenguelek és magyarul Európában. Nyelv, irodalom, kultúra — parhuzamok és kapcsolatok. Tanulmányok D. Molnár István professzor tiszteére*. Ред. L.K. Nagy. Debrecen: Debreceni Egyetem 2001, с. 41.

<sup>43</sup> См.: W. Chlebda: *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Łask: Leksem 2003, с. 177 сл.; S. Leszczak: *Языковое клише. Прагматика, семантика и струк-*

— хотя бы фрагментарно — представлена ментальная категоризация называемых объектов. Таким образом, в лексическом знаке закодирована «скрытая предикация» — то, что польский исследователь Петр Стальмашик называет *понятийной предикацией*<sup>44</sup>.

В данной статье был рассмотрен языковой материал, т.е. факты семантической нерепрезентативности лексических единиц в системе языка. Это явление еще более массово в речевой деятельности, где значительно большую роль играет субъективный фактор. Например, когда на упаковке продукта мы читаем:

(74) растительный белок

само название (в сущности, лексическое клише) непосредственно означает белок растительного происхождения — по модели выражений:

(75) растительное масло

(76) растительный жир

(77) растительная пища.

Поскольку в современной культуре популярны разного рода практики здорового питания, в частности, ограничение употребления жира, выражение (74) благодаря своей внутренней форме (‘белок растительного происхождения’) несет положительную коннотацию. Эта коннотация оказывается, однако, обманчивой: в действительности за растительным белком часто скрывается генетически модифицированная соя. Независимо от того, как относиться к проблеме ГМО, очевидно, что выражение (74) в гастрономическом (глуттоническом) дискурсе<sup>45</sup> включает в себе фальсификацию денотата.

В статье было показано, что явление семантической нерепрезентативности (экстенциональной и интенциональной) широко представлено в системе языка. Поскольку данная проблема непосредственно связана с понятием возможных миров, категория правды получает новую перспективу реализации — в области лингвокультурологических исследований. Каждый языковой номинат с этой точки зрения рассматривается как своего рода сообщение невидимого отправителя из (более или менее) далекого прошлого — субъекта «первой кате-

*тура аналитических номинативных неидиоматических единиц в современном русском языке.* Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej 2007.

<sup>44</sup> P. Stalmaszczyk: *Pojęcie predykcji składniowej w gramatyce generatywnej.* «Biuletyn PTJ» 1998, № IV, с. 34.

<sup>45</sup> Подробнее об этом дискурсе см.: А.Ю. Земскова: *Специфика глуттонического (гастрономического) дискурса.* <[http://smrgaki.ru/8/1/1\\_7/zemskova.htm](http://smrgaki.ru/8/1/1_7/zemskova.htm)> (23.09.2013).

горизации» денотата, современникам, которые интерпретируют его в аспекте веритативной модальности, т.е. как соответствующее или не соответствующее действительности.

Честертон писал: «Глубоко убежденный человек кажется странным, ибо он не меняется вместе с миром». Это можно сказать и о многих словах нашего языка.

*Aleksander Kiklewicz*

## PRAWDA A NOMINACJA JĘZYKOWA

### Streszczenie

Celem artykułu jest przedstawienie kategorii prawdy w zakresie nominacji językowej (tzn. za pomocą form gramatycznych, leksemów, grup wyrazowych i zdań). Autor prezentuje historię badań nad tą problematyką w filozofii, logice i językoznawstwie, poczynając od koncepcji Arystotelesa, który rozgraniczał jako diametralnie odmienne pojęcia nominacji i predykcji. Autor przy uwzględnieniu ergonomicznego modelu języka przedstawia oryginalną koncepcję modalności werytatywnej, opisując na materiale języka rosyjskiego i innych języków europejskich dwa zjawiska: nominację kontrfaktyczną oraz falsyfikację lekсыkalną.

*Alexander Kiklewicz*

## TRUTH AND LEXICAL NOMINATION

### Summary

The aim of the following study is to discuss certain issues concerning the truth with reference to lexical nomination (through lexical units, i.e. words and word groups). The author presents the history of views on language nomination, starting with Aristotle. It is shown that Aristotle's influence on the methodology of semantic research on natural languages eliminated the problem of truth from linguistics for next centuries. The author presents an original concept of accuracy / inaccuracy of lexical nomination and describes its different types, such as extensional and intensional inaccuracy of lexical units. The inaccuracy of lexical units in the field of lexical nomination is considered in the light of an ergonomic model of linguistic behavior, which is advocated by the author.